

врата суздальского Рождественского собора. Бесплотные фигуры на них словно вызываются из тьмы небытия сетью золотых лучей-линий; каскады золотых складок, завит-

97

ки золотых кудрей, сияющие золотом лики наглядно воплощают представление о Божественном свете, словно излучаемом поверхностью врат. Правильные пропорции и уверенная постановка фигур, сдержанные жесты, виртуозно исполненные детали (например, длинноногие агнцы в «Жертвоприношении Авраама») заставляют вспомнить не только об искусстве Византии, но и о его античных истоках.

Своеобразным было новгородское искусство XII—XIII вв. Географически Новгород далеко отстоял и от Киева, и от Царьграда. Это непосредственно сказалось на облике новгородской художественной культуры, особенность которой стала заметна уже в XI в. и усилилась после 1136г., когда Новгород стал боярской республикой. Зодчество утратило киевскую изысканность, стало проще, суровее, монументальнее.

В иконописи наряду с византийской аристократичностью появилась непосредственность и экспрессивная свобода форм. Примечательна новгородская икона XII в., в которой удивительным образом сочетаются оба эти направления: на ее лицевой стороне изображен Спас Нерукотворный, на оборотной — Прославление креста. Огромные глаза Спасителя не смотрят на молящегося, брови напряженно изогнуты, уста сжаты; это прекрасный, одухотворенный, но замкнутый в своем совершенстве образ. А на обороте румяные ангелы в красных сапожках, большеголовые серафимы и аллегории Солнца и Луны, кажется, живут совсем в ином мире — доступном и немного наивном.

См. также *Алимтий* и *Олисей-Гречин*.